

которой проникнуты лучшие исторические повести XI—XIV вв., проявляется различно: в том, что активная роль человека в ходе исторических событий выдвигается в них на первый план; что реальные исторические отношения, а не вмешательство потусторонних сил, определяет развитие действия; что исход сражений с противником решается мужеством русских воинов, а не небесной помощью,⁵⁰ и т. д.

Такое направление лирической стихии древнерусской литературы несомненно помогал читателям-современникам в доступной эпохе степени познать действительность, нам оно раскрывает внутренний мир людей далекого прошлого, их общественное сознание. Подобные проявления лирической стихии в литературе древней Руси могут рассматриваться также в аспекте роста ее реалистических тенденций, как ступень в развитии способов художественного познания действительности через литературу.

Можно предлагать по-разному называть те тенденции способа изображения жизни «какая она есть», которые мы обнаружили в самых разнообразных жанрах древнерусской литературы, среди текста, выдержанного в каком-либо из собственных им стилей. Но одно остается несомненным: эти тенденции ведут к художественному познанию действительности, разумеется в ограниченных пределах, доступных данной ступени развития литературы. Они ведут к совершенствованию способов раскрытия внутреннего мира реального, а не идеально преображенного человека, меткими штрихами правдиво намечают отдельные черты его характера, не пытаются, разумеется, представить этот характер в целом. Они учат и обобщенному изображению проявлений в психике человека и его поведении этих отдельных черт; они же иногда метко закрепляют в художественном эпизоде то или иное индивидуальное свойство конкретного исторического лица. Эти тенденции направляют писателя к мастерскому изображению русского пейзажа, пусть пока еще не как самостоятельного объекта искусства, а в его условном народно-поэтическом соотношении с жизнью человека. Мастерство дополнять «виденное и слышанное» художественно убедительным вымыслом вырабатывается и в картинах с реалистическими элементами, где этот вымысел направлен на приближение изображения к жизни «какая она есть», а не к идеальному о ней представлению.

Реалистические тенденции древнерусской литературы, запечатленные в отдельных рассказах или эпизодах, не привели, однако, к сложению цельного художественного метода, который определял бы все развитие данной темы — от способа выражения авторского «я» до композиции и изобразительных средств. Этому препятствовала прежде всего ограниченность «познания объективных закономерностей» действительности.⁵¹ Прочная традиция идеалистического осмысления движущих сил истории не давала простора для реалистического истолкования всего развития жизни страны и отдельного человека и вытекающего из него реалистического способа художественного изображения.⁵²

⁵⁰ См. об этом подробнее в статье: В. П. Андрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., стр. 114, 137.

⁵¹ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 77. — Исследователь прав, что «достоверность» изображения в древнерусской литературе по этой причине «никогда не возвышалась до уровня эстетической системы» (стр. 77), но в отдельных эпизодах она достигала уровня художественной правды и становилась ценностью эстетической, а не только познавательной.

⁵² Так и в древнерусском изобразительном искусстве реалистические тенденции сказываются либо в отдельных деталях всей картины, в психологической трактовке условных религиозных образов, либо в клеймах, куда свободнее проникали элементы быта.